

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ДРЕВНОСТИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ

Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова

*Под редакцией
В. С. Синики и Р. А. Рабиновича*

Библиотека

stratum

КИШИНЕВ-ТИРАСПОЛЬ
2018

T. G. SHEVCHENKO PRIDNESTROVIAN STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF ARCHAEOLOGY

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

ANTIQUITIES. STUDIES. ISSUES

Essays in honour of Nicolai Telnov
on the occasion of his 70th birthday

Edited by
V.S. Sinika and R.A. Rabinovici

KISHINEV-TIRASPOL
2018

70-летию
Николая Петровича Тельнова
посвящается

This issue to 70th anniversary of Nicolai P. Telnov

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). К юбилею Николая Петровича Тельнова 11

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Э. В. Овчинников (*Киев, Украина*). Исследования трипольского поселения
Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг. 19

И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). Расписная керамика позднего энеолита
на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае 35

С. Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), А. Н. Усачук (*Донецк, Украина*). Комплекс
раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья . . 49

Г. Л. Евдокимов (†), Н. М. Данилко, С. Ж. Пустовалов (*Киев, Украина*). Курганы
бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменной экспедиции
в 1991 г.). 59

С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Курганная группа 3 Войцеховского
могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.). 89

А. С. Пробейголова (*Киев, Украина*). Поселение эпохи поздней бронзы
Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец 113

С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Булавки с пластинчатой головкой эпохи
поздней бронзы с территории Украины 125

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С. Б. Вальчак (*Москва, Россия*). Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный
памятник предскифского периода 137

В. Б. Панковский (*Киев, Украина*), С. А. Фидельский (*Тирасполь, Молдова*).
Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века
Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) 147

Д. А. Топал (*Кишинёв, Молдова*). Состав вооружения и возможности культурной
группировки (на материалах скифского времени Карпато-Подунавья) 165

А. Р. Канторович (*Москва, Россия*). Образно-сюжетный репертуар
восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты
классифицирования и кодирования 195

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*), Н. П. Тельнов (*Кишинёв, Молдова*). Скифский
курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное 223

С. В. Полин (*Киев, Украина*). Сарматское завоевание Северного Причерноморья
(современное состояние проблемы). 267

Ю. П. Зайцев (<i>Симферополь, Крым</i>). Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму	289
---	-----

М. М. Чореф (<i>Нижневартовск, Россия</i>). Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации	319
--	-----

СРЕДНИЕ ВЕКА

И. О. Гавритухин (<i>Москва, Россия</i>), М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О времени появления славян на территории Молдовы	333
---	-----

А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье	355
--	-----

Д. Елинкова (<i>Брно, Чехия</i>). К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа	389
--	-----

А. В. Комар (<i>Киев, Украина</i>). Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони	409
---	-----

А. Тюрк (<i>Будапешт, Венгрия</i>). Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы	423
--	-----

С. С. Рябцева (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками	435
---	-----

Н. А. Плавинский (<i>Минск, Беларусь</i>). Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли	445
--	-----

Р. А. Рабинович (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.	465
---	-----

А. А. Романчук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Слово о Суждале: гипотеза О. Н. Трубочева в свете данных археологии, истории и топонимики	483
---	-----

М. В. Цыбин (<i>Воронеж, Россия</i>). К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв.	495
--	-----

Список сокращений	505
-----------------------------	-----

CONTENTS

AD GLORIAM

V. S. Sinica (<i>Tiraspol, Moldova</i>). This issue is dedicated to Nicolai P. Telnov's birthday anniversary	11
---	-----------

PALAEOMETAL AGE

E. V. Ovchinnikov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Research of the Trypillia Settlement Rusanovtsy in the Upper Southern Bug River in 2010—2012.	19
--	-----------

I. V. Manzura (<i>Kishinev, Moldova</i>). Late Eneolithic Painted Pottery at the Settlement of Orlovka-Kartal on the Lower Danube	35
--	-----------

S. N. Razumov (<i>Tiraspol, Moldova</i>), A. N. Usachuk (<i>Donetsk, Ukraine</i>). The Early Bronze Age Complex with a Stone Figurine from the North-East Azov Sea Region	49
---	-----------

G. L. Evdokimov (†), N. M. Danilko , S. Zh. Pustovalov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Bronze Age Barrows in the Lower Dnieper Region (excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991)	59
--	-----------

S. D. Lysenko , S. S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Barrow Group 3 of the Voytsehovka Cemetery (excavations of 2011—2012)	89
---	-----------

A. S. Probeygolova (<i>Kiev, Ukraine</i>). The Settlement of Mechetnoe-2 of the Late Bronze Age in the Middle Donets Area	113
--	------------

S. S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Pins with a Plate Head of the Late Bronze Age from the Territory of Ukraine	125
--	------------

EARLY IRON AGE

S. B. Valchak (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Novocherkassk Hoard of 1939 — an Eponymous Site of the Pre-Scythian Period	137
--	------------

V. B. Pankowski (<i>Kiev, Ukraine</i>), S. A. Fidelski (<i>Tiraspol, Moldova</i>). A Systematic Outline of Bone and Antler Industry in the Dniester Region Iron Age: some principles from Chobruchi settlement site	147
---	------------

D. A. Topal (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Panoply and Cultural Grouping of Scythian Period in Carpathian-Danube Region	165
---	------------

A. R. Kantorovich (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Imagery Repertoire of the Eastern European Scythian Animal Style: the principles and results of classification and coding.	195
--	------------

V. S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>), N. P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3 rd Century BC Near Glinoe Village.	223
--	------------

S. V. Polin (<i>Kiev, Ukraine</i>). Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (current studies)	267
--	------------

Yu. P. Zaytsev (<i>Simferopol, Crimea</i>). Complex with a Celtic Type Shield from Ak-Kaya Necropolis in Crimea	289
---	------------

M. M. Choref (<i>Nizhnevartovsk, Russian Federation</i>). Countermarks on Staters of King Pharzoios as Sources of Historical Information.	319
---	------------

MIDDLE AGES

I. O. Gavritukhin (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). About the Time of the Appearance of the Slavs in the Territory of Moldova	333
--	------------

A. M. Oblomskii (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region.	355
---	------------

D. Jelínková (<i>Brno, Czech Republic</i>). On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky	389
---	------------

A. V. Komar (<i>Kiev, Ukraine</i>). Birch Bark Decoration of Scabbard of an Early Medieval Sword from Yablunya	409
--	------------

A. Türk (<i>Budapest, Hungary</i>). The Eastern Origins of the Early Hungarian Culture in 10th Century AD and Medieval Archaeology of Eastern Europe	423
---	------------

S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). On the Features of the Morphology and Decor of the “Volhynian Type Earrings” with Embossed Pendants	435
---	------------

M. A. Plavinski (<i>Minsk, Belarus</i>). Barrow 5 of the Pahoshcha Cemetery as an Example of an Elite Burial Complex of the Late 10th — Early 11th Century in the Northwest of Polatsk Land	445
---	------------

R. A. Rabinovici (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries.	465
---	------------

A. A. Romanchuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). A Word about <i>Sujdal</i>: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponomic Data.	483
---	------------

M. V. Tcybin (<i>Voronezh, Russian Federation</i>). To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th — 17th Centuries	495
---	------------

Abbreviations	505
--------------------------------	------------

Р. А. Рабинович

Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.

Keywords: Prut-Dniester interfluve, cultural-historical worlds, Slavs, nomads, Prague culture, Penkovka culture, Luka-Raikovetskaya culture, Balkano-Danube culture, Old Russian culture, cultural groups of Echimăuți-Alcedar, Petruha, Hanska

Ключевые слова: Пруто-Днестровское междуречье, культурно-исторические миры, славяне, кочевники, культуры пражская, пеньковская, лука-райковецкая, балкано-дунайская, древнерусская, культурные группы Екимауцы-Алчедар, Петруха, Ханска

R. A. Rabinovici

The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries

As a result of its unique geographical position, the Carpathian-Dniester region felt a strong impact from the cultural and historical worlds of neighboring regions in the period of 5th—11th centuries. Various peoples penetrated from neighboring regions at different times on the territory of its eastern part — in the Pruto-Dniester interfluve. Among them: Slavs, Turkic-Bulgarian peoples, Alans, Hungarians, representatives of different cultures: Luka-Raikovetskaya, Saltovo-Mayaki and Balkano-Danube. The appearance in the region of the West Slavic population had a particular importance and left antiquities of Echimăuți-Alcedar type. The synthesis of the cultures of Echimăuți-Alcedar and Luka-Raikovetskaya laid the basis for the formation of the Old Russian culture of the Prut-Dniester region in the 10th—11th centuries. The Ancient Russian culture of these region was not homogeneous by its origin and reflected the presence of all migration waves in the Dniester-Prut interfluve.

Р. А. Рабинович

Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.

Уникальное географическое положение Карпато-Днестровского региона привело в V—XI вв. к активному воздействию на него со стороны культурно-исторических миров соседних регионов. В разное время в его восточную часть — в Пруто-Днестровское междуречье проникали из соседних регионов различные народы: славяне, тюрко-болгарские народы, аланы, венгры, носители различных культур: лука-райковецкой, салтово-маяцкой и балкано-дунайской. Особое значение приобрело появление в регионе западнославянского населения, оставившего древности типа Екимауцы-Алчедар. Синтез культур Екимауцы-Алчедар и луки-райковецкой стал основой формирования древнерусской культуры Пруто-Днестровья X—XI вв. Древнерусская культура не была гомогенной, однородной по своему происхождению и отражала присутствие всех миграционных волн в Днестровско-Прутском междуречье.

*Вглядись в явление — и увидишь,
что оно есть шелуха другого,
глубже его лежащего.*

Павел Флоренский

Если говорить о современной историографии по раннесредневековой археологии Пруто-Днестровья, то роль Николая Петровича Тельнова (которого я считаю своим Учителем и которого я сердечно поздравляю с Юбилеем) среди других исследователей региона — одна из самых значимых. После работ Исаака Александровича Рафаловича в 1960—1970-х гг. именно полевые изыскания

Николая Петровича, подхватившего и формально (Николай Петрович был приглашен на работу в Академию наук Молдовы заняться славянской тематикой после того, как не стало И. А. Рафаловича), и неформально от него эстафету молдавского слависта, существенно продвинули наши знания о раннеславянском периоде (VI—VII вв.) истории междуречья. А исследования Н. П. Тельновым древностей

VIII—X вв. (Тельнов 1990; 2001—2002) заложили фундамент самого понимания, что такое лука-райковецкая культура в молдавском Поднестровье в основных своих категориях и ее значение для формирования древнерусской культуры.

Но очевидно, что древнерусскую культуру данного региона Н.П. Тельнов видит однородной, гомогенной и развивающейся исключительно из местных древностей лука-райковецкой культуры:

«Древнерусская культура в регионе (Пруто-Днестровском — Р.Р.) отличается однородностью. Практически все категории материальной культуры типа Луки-Райковецкой существуют почти в неизменном виде в древнерусской культуре X в. Без изменений остаются типы поселений, типы жилищ, отопительным устройством в которых неизменно остается печь-каменка и т.д. Изменение претерпевает керамика, которая становится гончарной и полностью вытесняет лепную. [...] Пропорции двух типов лепных горшков повторяются и в раннегончарной древнерусской керамике. Неизменным в это время оставался и ассортимент посуды...» (Тельнов 2001—2002: 253).

Рассматривая древнерусскую культуру Пруто-Днестровья как единую и однородную, Николай Петрович включает в нее и памятники типа кольцевых городищ Екимавцы-Алчедар, связывая их происхождение также с лука-райковецкой культурой. В целом значительную роль древностей лука-райковецкой культуры как местной подосновы в формировании древнерусской культуры, и, заметим, не только ее, но и памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнь, конечно же, нельзя отрицать. Но мы полагаем, что происхождение культуры кольцевых городищ не связано с местными древностями типа луки-райковецкой (из последних работ см.: Рабинович, Рябцева 2016). Культура кольцевых городищ, по всей видимости, является пришедшей в данном регионе, и только со временем, вероятно, под нивелирующим влиянием Древнерусского государства, усилились интегративные связи в регионе между носителями культур разных групп памятников. И тогда из элементов лука-райковецкой культуры, а также древностей, являющихся ее прямыми наследниками (памятников типа Глинжаны, бранештского комплекса памятников и др.), и культуры кольцевых городищ начала формироваться общая унифицированная древнерусская культура Пруто-Днестровского региона, включившая в себя, кроме восточ-

нославянского, также и ряд инородных здесь изначально компонентов («западнославянский», «салтоидный», «венгерский»). Причем достаточно заметны следы интеграции и между формирующейся древнерусской культурой и такими группами, как Петруха-Лукашевка и Ханска, участие в генезисе которых «салтоидного», «венгерского» и балкано-дунайского компонентов представляется еще более возможным.

Мы не обсуждаем в данной работе, насколько далеко зашли процессы интеграции вообще и в единую культурную общность в Пруто-Днестровье в X в. в частности. Мы акцентируем внимание на том, что нельзя признать необычным, или, иначе говоря, случайным для региона сам факт участия в этих процессах самых разных инородных этнокультурных элементов (не только культурные влияния, но и присутствие непосредственно носителей). Присутствие инородных культурных элементов (а не просто влияний) в целом в Карпато-Поднестровье фиксируется неоднократно на протяжении тысячелетий, оно, по сути, уже закономерно (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995).

Карпато-Поднестровье — регион с географически и культурно-исторически детерминированными границами — Днестр, Восточные Карпаты, Нижний Дунай, Черное море. Уникально географическое положение Карпато-Днестровского региона на стыке Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Карпато-Днестровские земли на протяжении тысячелетий традиционно занимают периферийное положение по отношению к культурам, культурным общностям, культурным мирам этих регионов. Они оказывают на Карпато-Поднестровье культурные влияния, выступают для него своеобразными «очагами», источниками культурных влияний. Эти «очаги» оказывали на этот регион активное культурно-историческое воздействие, иногда в виде и непосредственного переселения сюда населения — носителя тех или иных этнических и культурных традиций.

Исследования Карпато-Днестровского региона в разные археологические эпохи (по крайней мере, начиная с эпохи энеолита) показывают закономерность его традиционного расположения на периферии, точнее сказать, в пограничье периферий одновременно нескольких значительных «очагов» культурных влияний (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995).

Только понимание места Карпато-Днестровского региона в сложившейся веками

и даже тысячелетиями системе культурно-исторических связей позволяет определить роль того или иного этнокультурного компонента, а иногда, собственно, и помогает его выявить в местных древностях.

Пруто-Днестровское междуречье — составная часть Карпато-Днестровского региона, и в нем, как и в соседнем Карпато-Прутском регионе (Румынская Молдова), в той или иной мере отражались вышеуказанные процессы. Естественно, что, несмотря на определенное культурное единство двух частей Карпато-Днестровского региона, их культурно-историческое развитие обладает своими особенностями.

В данной статье мы рассмотрим место Пруто-Днестровского междуречья, как одной из составных частей Карпато-Днестровского региона, в контексте культурно-исторических связей. Их влияние на формирование местной древнерусской культуры не носит случайного характера и практически аналогично имевшему место влиянию с самого начала средневековой эпохи.

Данная работа будет носить достаточно общий характер. Ограниченные объемом статьи, мы в большей мере будем рассматривать в первом приближении направления и тенденции культурного развития, не прибегая непосредственно к анализу конкретных категорий археологического материала, который, собственно, и является основой для самой постановки вопроса о культурно-исторических влияниях на Карпато-Поднестровье соседних регионов в тот или иной период.

Выше мы использовали выражение «очаг» в отношении источников культурных влияний со стороны соседних регионов. Термин «очаг» культурных влияний в отношении отдельных культурных общностей можно отнести (а в некоторых конкретных ситуациях они, на наш взгляд, адекватны) с понятием «культурный мир» в терминологии М. Б. Щукина (1994: 12—13, 15) и отчасти близким ему понятием «особый этно-исторический круг культуры определенной эпохи» по выражению И. О. Гавритухина (2009: 18).

Для начала перечислим эти культурно-исторические миры, вплотную или достаточно близко окружающие Карпато-Поднестровье. Традиционными из них, то есть воздействующими на регион с древнейших времен и непосредственно в эпоху средневековья, являются следующие.

1) «Цивилизационный» (название этого мира, как и все последующие названия миров, даны условно и обусловлены конкретным

историческим контекстом). Географически он представляет собой Южные Балканы и Малую Азию. В историческом плане в средневековую эпоху — это Византия, позже (и до сегодняшнего дня) — Турция.

2) «Балкано-Дунайский» (по названию соответствующей археологической культуры). Географически это Нижнедунайский регион — территория современных Южной Румынии и Северо-Восточной Болгарии. В историческом плане это в первую очередь «южно-славянский мир» (речь идет в первую очередь о культурном аспекте, а не о языковом), Болгарское государство. В отдельные периоды этот мир выступал проводником влияния мира цивилизационного, например, Первое Болгарское царство приносило в Карпато-Поднестровье образцы византийской культуры — как материальной, так и, по всей видимости, духовной.

3) «Среднедунайский» или «центрально-европейский». Географически это территории к западу от Восточных Карпат. Представлен в средневековую эпоху такими образованиями, как германский мир, «западнославянский мир», Аварский каганат, Великая Моравия, Венгерское и Польское королевства.

4) «Евразийская степь». Степная полоса, протянувшаяся от Алтая до Буджака и устья Дуная. В культурно-историческом плане в эпоху средневековья это многочисленные народы, полукочевые и кочевые, которые традиционно двигались с востока на запад. Кутригуры, оногуры, авары, аланы, печенеги, торки, половцы, монголы и т. д.

5) «Лес и лесостепь» (к северу и востоку, «лесная зона», Восточная Европа в целом). Это «восточнославянский мир», Киевская Русь, Галицкая Русь и т. д.

Не все перечисленные соседние культурно-исторические миры воздействовали на Карпато-Поднестровье в эпоху раннего средневековья постоянно или с одинаковой и не изменяемой интенсивностью. Сила воздействия на культуру региона того или иного «очага» (которую мы можем себе представить, исходя из исторических реалий) не всегда адекватна степени отраженности его в имеющемся археологическом материале. Поэтому часто приходится говорить просто об общей тенденции, направленности того или иного культурного влияния или процесса.

Смены доминирующей роли того или иного мира (или одновременно нескольких миров) происходили относительно быстро, и обоснование хронологии этих изменений в силу ее недостаточной разработанности

в региональной археологии подчас не поспевает за выявлением и анализом отмечаемых культурных влияний и изменений.

Исходя из степени влияния на Карпато-Поднестровье вышеперечисленных миров, а также характеристики возникающей вследствие этого влияния ситуации, культурное развитие региона заметно отличается по периодам: середина V — середина-конец VII вв.; конец VII — конец IX в.; X — середина XI в.; середина XI — середина XIII вв.

Рассматривая место Пруто-Днестровского междуречья в контексте культурно-исторических связей, которые существенно повлияли на формирование местной древнерусской культуры, для того, чтобы показать традиционность и постоянность этих связей, мы начнем с характеристики более раннего периода, а именно, с самого начала средневековой эпохи.

V — середина-конец VII вв.

Характеризуя в первом приближении период V — середины-конца VII вв., мы можем говорить об очень активном воздействии на Пруто-Днестровское междуречье мира Лес-Лесостепь (заселение антами и склавинами), менее значительном — Евразийская степь (непосредственное пребывание кутригуров), и о культурных влияниях миров Цивилизационного, Балкано-Дунайского и Среднедунайского.

Не позднее середины V в. (о дате этого события см. статью в данном сборнике: Гавритухин, Казанский 2018) обезлюдевший к этому времени Пруто-Днестровский регион оказался в зоне славянских переселений — антов и склавинов, которые отождествляются соответственно с археологическими культурами — пеньковской и пражской.

Распространение пражской культуры, начавшееся из Полесья в северо-западном, западном и юго-западном направлениях не позднее IV в., привело к проникновению носителей этой культуры в Пруто-Днестровские земли с севера — с территории Черновицкой и Винницкой областей современной Украины (Гавритухин 2009: рис. на с. 11). Вероятно, одновременно, в Пруто-Днестровье с востока из лесостепного Побужья стали проникать носители культуры Пеньковка, продвинувшиеся далеко на Нижний Дунай (Рафалович 1972: 41). Количество известных памятников «чисто» пеньковских, как и «чисто» пражских, невелико. Они располагаются чересполосно, и многие поселения этого времени в ре-

гионе носят смешанный характер (Рафалович 1972; ДКМ 1974: 83—86). Принес в регион единообразный тип жилищ — полуземлянку с печкой-каменкой, носители обеих культур отличались лишь профилем превалирующих здесь лепных сосудов да, возможно, чуть более богатым инвентарем у пеньковцев. Чересполосное расположение и смешанный характер пеньковских и пражских поселений не противоречат данным Иордана и Прокопия Кесарийского о расселении антов и склавинов.

Теперь о влиянии культурно-исторического мира Евразийская степь. Оно сказывается в присутствии в Карпато-Днестровских землях кутригуров.

Хотя письменные источники прямо не называют Карпато-Поднестровье зоной пребывания кутригуров, однако частые набеги на Восточноримскую империю на протяжении второй половины V — 50-х гг. VI вв. (Артамонов 2001: 109—144) подразумевают локализацию кутригуров в Нижнем Подунавье и, в частности, Южной Молдове (Буджаке?) наиболее удовлетворительной.

Тем более использование византийцами булгар против германцев в Подунавье в конце V в. могло отражать проживание части кутригуров рядом с Нижним Подунавьем уже в этот период. Возможно, переселение кутригуров на Нижний Дунай произошло все же позже — приблизительно в 551—552 годах, решившихся на это из-за нападений утигуров (Комар 2004: 170).

Рассказывая о вторжении кутригуров в Империю в 559 г., Агафий Миринейский пишет: «Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно» (Агафий Миринейский 1996: 185). Упоминание «спустились на юг», по мнению А.В. Комара, может указывать на Пруто-Днестровское междуречье (Комар 2004: 170). В целом, считает исследователь, время пребывания кутригуров в Северном Причерноморье ограничивается периодом 479—552 гг.; еще некоторое время в период 552—568 гг. кутригуры оставались в Нижнем Подунавье (Комар 2004: 172).

Действительно, последнее упоминание кутригуров в письменных источниках относится к 568 г. и касается их пребывания вместе с аварами уже в Паннонии. Авары, как известно, впервые предстали перед глазами византийцев в 558 году. Константинополь рассчитывал использовать впервые объявившихся кочевников для борьбы с кутригурами и другими врагами Империи. Но очень быстро

авары перешли к самостоятельной политике и из врагов кутригуров сделали их союзниками. Около 559 г. авары по приглашению кутригуров из предкавказских степей перешли на постоянное местопребывание в северо-причерноморские степи — на земли кутригуров (Артамонов 2001: 154). В 567—568 гг. авары завоевали Паннонию, где и создали новый каганат. Вместе с аварами ушли из Нижнего Подунавья и северопричерноморских степей и кутригуры (Артамонов 2001: 157; Комар 2004: 171).

По мнению А. В. Комара, причины ухода кутригуров из причерноморских степей были не политические или, вернее, не только политические. Сыграл важную роль климатический фактор — все большее усыхание степи, сопровождавшееся засолением почв, повлекшее за собой постепенное изменение растительного покрова южной, засушливой части степи в сторону полупустынного. Именно изменение климата, очевидно, и «стало главной причиной того, что после переселения кутригуров вместе с аварами в Паннонию в 568 г. и до появления хазар в 679 г., в Северном Причерноморье не известно ни одного заметного племенного объединения кочевников» (Комар 2004: 195—198 и др.).

Учитывая все же не бесспорную локализацию кутригуров в Днестро-Дунайских землях согласно данным письменных источников, нас интересуют археологические свидетельства подобной локализации.

Кутригуры по праву «считаются самыми «неуловимыми» племенами в археологии раннесредневековых кочевников Восточной Европы» (Комар 2004: 169), и территория Пруто-Днестровья в этом смысле не является исключением.

Молдавские исследователи И. А. Рафалович, И. Г. Хынку и др., как правило, связывали с пребыванием кутригуров керамику пастырского типа, находимую в мизерных количествах на раннеславянских поселениях. Она свидетельствовала, по их мнению, о тесных контактах славян и кочевников, о том, что они вместе проживали на одних поселениях (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 99—101; Хынку, Рафалович 1973: 165; Рафалович 1972: 36; ДКМ 1974: 84).

Подобная интерпретация шла в русле популярной в 1960—1970-х гг. концепции М. И. Артамонова так называемой пастырской культуры, принадлежащей кутригурам, объединившей в один культурный массив Пастырское городище, среднеднепровские клады VII — начала VIII вв. и пеньковскую культуру.

Эта концепция была взята на вооружение и развивалась многими исследователями, но практически сразу идеи «кочевнической» принадлежности пеньковской культуры и Пастырского городища встретили резкую критику со стороны археологов-славистов (см. Приходнюк 2005; Комар 2004: 172—173; 2007, там же литература).

А. В. Комар показал, что с точки зрения нomaдиста «пастырская культура» — такая же фикция, как и с точки зрения слависта: ни Пастырское городище, ни пеньковская культура никак не связаны с культурой кочевников Северного Причерноморья VI—VII вв. Но культура кочевников представлена хотя и немногочисленной, но вполне выразительной группой подкурганых погребений и поминальных комплексов с четким самостоятельным набором культурных признаков (Комар 2007: 48).

К подобным древностям, и в частности, к древностям кутригуров А. В. Комар отнес в Пруто-Днестровском междуречье погребение 7 распаханного кургана около с. Старая Сарата (Фалештский р-н Молдовы) (Комар 2004: 179 и др.).

Таким образом, у нас есть основания говорить о влиянии на Пруто-Днестровское междуречье в V—VI вв. мира Евразийская степь, даже в виде непосредственного заселения региона новыми в культурном и этническом отношении группами населения.

В VI — большей части VII вв. влияние мира Лес-Лесостепь играло доминирующую роль в культурном процессе в Карпато-Днестровских землях, однако определенно прослеживается также влияние еще трех миров: Балкано-Дунайского, Цивилизационного и Среднедунайского.

Как влияние Балкано-Дунайского мира мы рассматриваем тот момент, что на поселениях, главным образом, в южной части лесостепной полосы, хотя встречаются и на поселениях в Северной Молдове, в керамическом комплексе, кроме пражских и пеньковских форм, присутствуют горшки, характерные для т. н. культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной на левобережье Нижнего Дуная (Рафалович 1972: 32, 147—149; ДКМ 1974: 83). Происхождение этой, безусловно, гетерогенной культуры (сегодня она, скорее, видится совокупностью разных по происхождению памятников) очень сложно. Нет находок, свидетельствующих о ее хронологических границах — существовании в V и в конце VII в. Неоспоримо присутствие в ее составе пражских компонентов, что естественно, учитывая данные письменных источников о сла-

вянах, которые совершали походы из-за Дуная на территорию Византии, но остается археологически неуловимым так называемое местное романизованное население (Гавритухин 2009: 13; 2015: 21; Teodorescu 1964: 485—499; Dolinescu-Ferche 1984; Федоров, Полевой 1973).

Культурное влияние на Пруто-Днестровье Цивилизационного и Центральноевропейского миров ощущается по находкам византийских монет и набора металлических изделий, в частности некоторых типов фибул (Рафалович 1972: 32—33; Corman 1998; Гавритухин, Казанский 2018). О существовании в этот период культурных связей с населением причерноморских византийских городов свидетельствует появление на южных поселениях региона крупных широкогорлых красноглиняных амфор, покрытых глубоким и частым, слегка волнистым рифлением, датированных V—VI вв. (Рафалович 1972: 29—42).

Конец VII — конец IX вв.

К концу VII в. наметившийся если не «симбиоз», то содружество пражской и пеньковской культур сменился в Карпато-Поднестровье древностями культуры лука-райковецкой (Хлинча-Яссы I в Восточном Прикарпатье, в терминологии румынских археологов). Относительно немногочисленное и редкое (к настоящему времени известно не более 50 небольших по площади поселений) население региона в VI—VII вв., в VIII—IX вв. оказывается внезапно очень большим (только в Днестровско-Прутском междуречье открыто около сотни очень значительных по площади поселений) (Федоров, Чеботаренко 1974: 12—39; Рафалович 1972: 39—42).

Культура лука-райковецкая сложилась в восточных областях пражской культуры. Датировка ранних комплексов лука-райковецкой культуры затруднена из-за незначительного количества датирующих вещей (Гавритухин 1996: 136—139). Разница между поздними комплексами одной и ранними другой улавливается лишь как тенденция в изменении орнаментации лепных сосудов: в лука-райковецкой керамике венчики уже украшаются пальцевыми вдавлениями (Гавритухин 2009: 9).

По мнению Н.П. Тельнова, лука-райковецкая культура в Днестровско-Прутском междуречье происходит от местных памятников пражской культуры. Процесс плавного постепенного перерастания пражских древностей в типа лука-райковецкой ясно отра-

жен в керамическом комплексе. В то же время специфически пеньковские формы не получили дальнейшего развития в керамике комплексов VIII—IX вв. в Карпато-Поднестровье (Тельнов 1990: 12—14).

Однако резкая диспропорция между количеством, размерами поселений и мощностью их культурного слоя памятников пражского типа и типа лука-райковецкой в регионе не может быть объяснена демографическим взрывом (Тельнов 1990: 6, 13), или только демографическим взрывом, а вызвана значительным притоком нового населения в конце VII — начале VIII вв., создавшим качественно новую демографическую ситуацию в регионе, как считает ряд коллег, к которым я присоединяюсь (Рафалович 1972: 41—42; Chişvasi-Comşa 1958: 76—78).

О том, что первые ранние комплексы лука-райковецкой культуры могли появиться в Пруто-Днестровье извне и параллельно существовать вместе с местными поздними памятниками пражской культуры, может свидетельствовать так называемая поселенческая история. И.О. Гавритухин показывает, что грань между пражской культурой и лука-райковецкой в общепризнанном типологическом отношении изменений в керамике не совпадает с поселенческой историей, которая как раз более точно отражает историческую периодизацию (Гавритухин 2009: 9—10).

Поселенческая история не прослежена стратиграфически на большинстве исследованных раннеславянских памятников Пруто-Днестровья. По И.А. Рафаловичу, на поселении Ханска жилища VI—VII вв. и VIII—IX вв. занимают разные места, и в их заполнении керамика I и II хронологических групп никогда не встречается совместно (Рафалович 1972: 39). Ситуация «визуально» наблюдаемого некоторыми другими исследователями континуитета древностей на поселении Ханска носит, скорее, «идеологический отпечаток», обусловленный идеей диахронной этнокультурной непрерывности автохтонного романизованного населения (Postică 1994: 235 и др.).

Сама по себе наблюдаемая эволюция в керамическом комплексе (практически при еще тех же морфологических и технологических особенностях — появление новой орнаментации) на ряде поселений, например, отмеченная Н.П. Тельновым на материалах поселения Скок, вовсе не свидетельствует с неизбежностью против прилива в регион извне значительной волны носителей ранних лука-райковецких древностей.

А иначе как объяснить резкое соотношение количества в Пруто-Днестровье памятников пражской и лука-райковецкой культур? Иначе как объяснить, почему на большинстве исследованных поселений лука-райковецкой культуры нет подстилающего слоя пражской культуры?

Для объяснения пришлого характера лука-райковецкой культуры в Пруто-Днестровье косвенным признаком может служить и так называемое «бесследное исчезновение пеньковских элементов». Мы должны, вслед за И. А. Рафаловичем и Н. П. Тельновым, признать, что они не участвовали в генезисе местной луки-райковецкой, в отличие от того, как это, возможно, было, по мнению некоторых исследователей, с памятниками типа Сахновка в Поднепровье (Приходнюк 1980; Щеглова 2009: 58). Тогда возникает гипотетическое предположение, что вместе с жителями чисто пеньковских поселений могли уйти за пределы региона и их соседи — жители смешанных поселений и даже, нельзя исключить, чисто пражских. Видимо, Пруто-Днестровье относится к тому ряду регионов, где пока неоднозначно соотношение пражской и лука-райковецкой культур (Гавритухин 2009: 9).

Время появления наиболее ранних комплексов культуры типа луки-райковецкой в Карпато-Поднепровье (последние десятилетия VII в.) в свое время обосновывалось И. А. Рафаловичем нахождением в комплексах бронзовых литых двухпластинчатых антропоморфных фибул пастырского типа, а также бронзовых византийских непробитых монет VI—VII вв. (Рафалович 1972: 39—40). Однако на сегодняшний день хронологические реперы, фиксирующие жесткую смену пражских древностей лука-райковецкими, не столь отличимы и скорее свидетельствуют о периоде сосуществования. И. О. Гавритухин отмечает, что «миниатюрные пальчатые фибулы (поствосточногерманские днестро-дунайской подгруппы), один из главных индикаторов факта пражской культуры, встречены и с керамикой луки-райковецкой культуры, украшенной пальцевыми вдавлениями» (Гавритухин 2009: 10; 2015: 23).

Указывая на пришлый характер древностей лука-райковецкой культуры или большей части их в Пруто-Днестровском междуречье, мы должны указать и на регион, откуда они сюда проникли. И здесь претендентом номер один является мир Лес-Лесостепь, который вытеснял сюда ранние комплексы типа лука-райковецкой культуры, генетически связанные с пражскими древностями.

Однако наряду с древностями «классической» лука-райковецкой культуры в Пруто-Днестровье (это влияние мира Лес-Лесостепь, но только ли?) мы можем отметить и влияние Среднедунайского мира в начальный период существования этой культуры. В местной керамике, относимой исследователями к культуре луки-райковецкой, прослеживаются следы западнославянских, как считал И. А. Рафалович, влияний, особенно проявляющиеся в орнаментации сосудов: появление одиночных прямых и волнистых линий, прямоугольного (шахматного) штампа, зубчатого, зигзагообразного «ёлочкой» орнамента (Рафалович 1972: 162—171).

О среднедунайском импульсе в Карпато-Поднепровье в этот период свидетельствует, на наш взгляд, концентрация в этом регионе находок ножей с волютообразными навершиями (Mitrea 1984: 85—87; Рафалович 1972: 183; Федоров 1960: 285; Рабинович 2005; Мысько, Пивоваров 2010). Практически все исследователи, обращавшиеся к вопросам, связанным с распространением этих изделий в Восточной Европе, или подчеркивали их западнославянское происхождение, или непосредственно связывали их появление в этом регионе с миграциями западнославянского населения (Федоров 1960: 285; Минасян 1978: 151; Перхавко 1979: 47—48; Королькова 1994: 238; Седов 1999: 197—198). Распространение подобных ножей (учитывая их вероятную сакральную функцию) вряд ли могло быть связано с обменом, торговлей или модой.

Прилив западнославянской волны фиксируется и в соседней Трансильвании (западнославянские курганные могильники с кремациями конца VII — начала VIII вв. Нушфалэу и Сомешень) и Верхнем Потисье (курганные и грунтовые могильники с кремациями Сомоторска Гора, Краловска Хлмце) (Comşa 1961: 519—529; Макря 1958; Масреа 1959: 519—527; 1959a: 515—522; Федоров 1960a: 198—200; Древняя... 1991: 185—195).

Среднедунайский мир в этот период был активным источником культурных влияний. Импульс, который он задал, его действие в Восточной Европе ощутили даже культуры лесной зоны. «Волна радикальных изменений в материальной культуре и общем укладе жизни восточноевропейского населения прокатывается с юга на север — от Прикарпатя до Приладожья — между 650 и 760 гг.» — пишет Д. А. Мачинский. О «возвращении» славян с Дуная, как известно, сообщает и Повесть временных лет (Мачинский 1981: 50; Щеглова 1991: 43—50; 2009).

Археологически фиксируется «появление в конце VII — первой половине VIII вв. в Среднем Поднепровье женского убора дунайского происхождения и его дальнейшее развитие в этом районе, что является конкретным свидетельством возвращения сюда части юго-западных славян, оседающих в близкой им этнической среде» (Щеглова 1991: 49; 1990; 2009: 59—61). О перемещении какого-то массива дунайских славян на восток свидетельствует появление Пастырского городища в правобережной части Среднего Приднепровья (Приходнюк 2005: 94—98).

Исторические события, вызвавшие «обратные» перемещения славян на восток, могли быть связаны с приходом тюрко-болгар Аспаруха на Дунай, а еще в большей мере аваро-славяно-византийскими войнами и активностью Аварского каганата, расширяющего сферу своего влияния. Активное аварское проникновение ощущается в конце VII в. в Словакии, где позже начинается смешение славян и авар. Показательной является ситуация в Верхнем Потисье. В VI—VII вв. здесь присутствует сравнительно незначительное славянское население. Но, начиная с конца VII в., происходит резкое увеличение славянского населения (соотношение памятников 1:15), а затем появление и аварского населения, фиксируемого возникновением ингумационных смешанных славяно-аварских могильников (Древняя... 1991: 179—197). Возможно, активность авар, направленная на восток в этот период, была вызвана серьезными обстоятельствами внутренней жизни аварского каганата (Сентпетери 1989: 118; Щеглова 2009: 61).

Таким образом, можно предполагать, что и в период конца VII—VIII вв. (ранней фазы культуры луки-райковецкой, по Н.П. Тельнову) Среднедунайский мир продолжал оказывать влияние на Карпато-Днестровские земли, нельзя исключить и переселений.

А сейчас охарактеризуем культурный мир Евразийская степь, оказавший воздействие в конце VII — X вв. не только на Карпато-Днестровские земли, но и на всю Юго-Восточную Европу.

После распада «Великой Болгарии» на отдельные орды, орда хана Аспаруха откочевала в 679 году на Нижний Дунай и здесь остановилась в Онглосе — современном Буджаке. Вытеснив Византию из Нижнедунайского региона (современные Северо-Восточная Болгария и Добруджа), болгары, смешавшись с местным славянским населением, создали т.н. балкано-дунайскую культуру. На Нижнем Дунае возник новый мощный источник

влияний на Карпато-Поднепровье. На период существования Первого Болгарского царства он стал и опосредованным проводником «цивилизационного» (византийского) влияния на исследуемый регион.

Первые поселения балкано-дунайской культуры появились в Карпато-Днестровских землях еще в конце VIII в. (памятники типа Этулия)¹ (Козлов 2015).

В первую треть IX в. резко возросла активность болгарских ханов. Походы Крума и Омуртага довершили начатый франками разгром Аварского каганата, а затем успешно вытеснили франков из восточно-аварских земель (Сентпетери 1989: 119; Сьоке 1989: 105—116).

Археологическим отражением территориального расширения Первого Болгарского царства в последующее время явилось распространение во второй половине IX в. ареала балкано-дунайской культуры на севере и северо-востоке. Памятники этой культуры появляются в Мунтении и Олтении (культура Дриду, по терминологии румынских коллег²), сначала соприкасаясь с распространенной в IX—X вв. в предгорных и горных районах этих областей и Трансильвании культурой Буков, а затем и оттесняя ее. IX веком датируются памятники балкано-дунайской культуры на юге Трансильвании в районе Алба Юлии (Сентпетери 1989; Сьоке 1989; Zaharia 1967; Тогору 1976; Comşa 1978; Федоров, Полевой 1973). Согласно данным письменных источников, это могли быть выдвинутые вперед болгарские военные поселения, контролировавшие стратегически важные пункты добычи соли и торговли ею (Сьоке 1989: 105). Более многочисленные балкано-дунайские поселения появляются на юге Трансильвании уже в X в. в связи с изменившейся ситуацией в Нижнем Подунавье.

Территориальное расширение Болгарии при царе Симеоне во всех направлениях, что нашло отражение в расширении балкано-дунайской культуры в конце IX — первой тре-

¹ Достаточно спорным и еще недостаточно исследованным остается вопрос о том, что происходило на юге, в степной части Пруто-Днестровских земель после ухода Аспаруха за Дунай — в период конца VII — конца VIII вв. Почти нет сомнений, что этот район продолжали контролировать болгарские ханы (см. Руссев 2002: 131; 2015).

² Правда, румынские ученые в подавляющем большинстве в качестве носителей культуры Дриду видят «местное» восточнороманское население (Zaharia 1967; Тогору 1976; см. также: Чеботаренко 1979; 1983; Федоров, Негруша 1979; и т.д.).

ти X в., затронуло и Карпато-Днестровские земли. Распространяясь на северо-восток, балкано-дунайская культура вытесняет поселения культуры луки-райковецкой, и в Нижнем Поднестровье возникает т.н. нижнеднестровский вариант балкано-дунайской культуры (типа Калфа) (Чеботаренко 1973; Козлов 2015).

Некоторые исследователи, например, Николай Петрович Тельнов, полагают, что на поселениях типа Калфа развитие культуры нижнеднестровского варианта происходило на «местной лука-райковецкой основе». Близка к этому мнению и позиция Н. Д. Руссева: «Нижнеднестровские памятники отражают взаимодействие пришлого из-за Дуная и, вероятно, из-за Карпат населения с восточными славянами — носителями древностей типа Лука-Райковецкая» (Руссев 2002: 131). Некоторые нижнеднестровские балкано-дунайские поселения просуществовали до конца X в., и только новая в этом регионе опасность — печенеги, заставила, по мнению исследователей, их жителей покинуть этот район. Хотя нельзя исключить, что дунайские войны Святослава сыграли в этом определяющую роль.

В это же время, во второй половине X в., погибают или оставляются жителями многие поселения балкано-дунайской культуры на Дунайском Левобережье в Мунтении и Олтении. Население этих покинутых поселков, видимо, частью переходило Дунай под защиту вначале Болгарского, а позднее Византийского государств, а частью, преследуемое печенегами, перемещалось вдоль левого берега Нижнего Дуная и оказывалось в Южной Трансильвании, где именно для этого времени характерна наибольшая концентрация древностей балкано-дунайской культуры (Zaharia 1967; Toropu 1976; Horedt 1958; Федоров, Полевой 1973).

После прихода на Нижний Дунай болгар Аспаруха и создания там Балкано-Дунайского культурного мира конструктивная роль «степного коридора» продолжилась. После прихода Аспаруха «коридор» не бездействовал, а продолжал выталкивать новые кочевнические волны, которые органично входили в культурные общности Карпато-Подунавья, не разрушая их, а лишь придавая им новую специфику. Видимо, это были подвластные Хазарскому каганату народы — тюрко-болгары и аланы, которые двигались на запад, спасаясь от военных потрясений и гражданских войн в Каганате (Плетнева 1981: 65, рис. 39).

Вначале об аланах. Культурные изменения, связанные с уходом в VIII в. части алан

из Предкавказья, отмечены на Нижнем Дунае. Они выражаются в находках специфических серолощенных кувшинов аланского северокавказского типа, отмеченных на могильниках Добруджи и Болгарии, а также на левобережье Дуная в Мунтении на поселениях Буков (Ротарь, Тиока) (Comşa 1979: 151—156). О том же говорят находки в четырех пунктах левобережья Нижнего Дуная, в Мунтении, боевых топоров с кинжаловидным лезвием, имеющих аналогии на Северо-Западном Кавказе, в Карачаево-Черкесии в захоронении на р. Кривой (Хеннинг 1989: 91, рис. 2). При движении на Нижний Дунай аланы не могли миновать Карпато-Днестровские земли, и часть из них могла осесть и в этом регионе.

Об аланском присутствии в Северо-Западном Причерноморье в IX—X вв. и о том, что именно эти аланы перешли вместе с венграми из так называемой Ателькузы в Паннонию, на основании анализа письменных источников, пишет О. Б. Бубенок (Бубенок 1997: 90—91).

Довольно многочисленны (уже известно около трех десятков) в Карпато-Днестровских землях находки бронзовых накладок в виде фигурок всадников. Г. Постикэ и И. Тентюк связывают появление этих категорий предметов в регионах к востоку от Карпат с проникновением сюда во второй половине I и в первые века II тысячелетия различных групп аланского населения (Postică, Tentiuc 2014: 45—72).

Гипотезу об аланском происхождении амuletа из Старого Орхоя, но необходимо отметить, что очень спорную, высказал В. А. Хохлов (Хохлов 2000).

В новейшей работе к мнению об аланском присутствии в Днестро-Дунайских землях обратился Николай Петрович Тельнов. Он пишет об интенсивных контактах венгров с аланским населением перед переселением их в Паннонию в Пруто-Днестровском регионе (Тельнов 2017: 512—513). Николай Петрович считает, что на этапах формирования балкано-дунайской культуры «выделяются аланские поселения со специфической керамикой. Примером может служить поселение Богатое... Законодателями моды в гончарстве и гончарных технологиях были именно аланы» (Тельнов 2017: 512).

Отметим, что гончарный горн, открытый на поселении Богатое, по своей конструкции относится к горнам салтовской строительной традиции и аналогичен многочисленным горнам, открытым в центральной части Пруто-Днестровья и даже севернее на посаде горо-

дища Рудь-«Турецкая тарелка» (Рабинович 1991; Рабинович, Ткачук 1995).

О тюрко-болгарах. Н.Д. Руссев отмечает, что «до утверждения христианства северо-восточные земли Болгарского государства были открыты для новых волн переселенцев из степи. Однако примерно с X в. путь к Дунаю им был отрезан. По этой причине переселенцы с востока стали селиться в центральной лесостепной части Карпато-Днестровских земель» (Руссев 2002: 131; 2015).

Думается, что поселение вновь пришедших тюрко-болгар в центральной части Пруто-Днестровья началось все же раньше X в., и именно с ними связано происхождение своеобразной группы памятников типа Петрухалукашевка и Ханска-Рэдукэнень и соответствующих горизонтов на могильниках Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешты (Рабинович 1990; Рабинович, Гукин 1991; Тентюк 1990; Tentiuc 1996; Зверев, Ткачук 2012).

Крупное движение тюрко-болгар из восточных районов на Нижний Дунай в первой половине IX в. отмечено письменными и археологическими источниками (например, эпиграфическая надпись, найденная в Болгарии, в которой говорится об одном из военачальников хана Омуртага, утонувшем в 822 г. в Днепре «на пути с прародины»). Среди основных причин новых передвижений болгар чаще всего называют политическую и религиозную борьбу в Хазарском каганате после принятия хазарской аристократией иудаизма (Чеботаренко 1983: 62; Плетнева 1981: 65).

Возможно, с этими волнами тюрко-болгар и алан связано то, что на восточноаварских землях, между Первым Болгарским царством и Великой Моравией, в это время формируется своеобразная культура — в каком-то смысле дериват салтово-маяцкой культуры. Исследователи говорят о влиянии салтово-маяцкой культуры на позднеаварскую, и оно выражается в различных элементах материальной культуры (керамика, жилища, костюм), и даже в религиозных верованиях (Сьоке 1989: 113—114).

Конец IX — середина XI вв.

Последние, судя по материальным следам в Пруто-Днестровье, значительные по размерам волны носителей салтово-маяцкой культуры двинулись в направлении к Нижнему Дунаю в конце IX—X вв. в связи с полным ослаблением Хазарского каганата, нападениями на него печенегов и походами киевских князей (Плетнева 1981: 65, рис. 39). Наплыв в этот

период носителей салтово-маяцкой культуры в Пруто-Днестровские земли отмечен не только отдельными находками и элементами материальной культуры (ряд находок с поселений, очаги, тамбуры входа, появляющиеся в землянках, юртообразные жилища, гончарные горны салтовской конструкции), но и наличием в регионе ряда могильников (Кэпрэрия, ранняя фаза могильника Лимбарь, несколько погребений в Бранештском могильнике), оставленных, по данным физической антропологии, населением — продуктом смешения тюрко-болгар и славян (Великанова 1978; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990; 1997; Зверев, Ткачук 2012; Rabinovici 2016).

Необходимо кратко сказать еще об одном «культурном вале», прокатившемся в IX веке по территории Карпато-Поднестровья, —обретении родины древними венграми.

Конечно, вопрос о том, когда венгры оказались в Причерноморье, к западу от Днепра, дискуссионен. Назывались разные даты — постгуннское время («белые угры» Повести временных лет), 750 г., интервал 20-е — 80-е годы IX в., но если судить по историографии последних десятилетий, то чаша весов все больше склоняется к датировке 30-ми годами IX века. Мы также считаем наиболее доказательной последнюю датировку (Артамонов 2001: 454, 459 и сл.; Spinei 1999: 15—87; Фодор 2015: 41—42; Вернадский 2004: 213—216; Рябцева, Рабинович 2007; Комар 2013).

Данные письменных источников, несмотря на их скудность, позволяют предполагать, что в течение столетия — с 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в. — венгры оказывали существенное влияние политического характера на Карпато-Днестровский регион. Возможно, именно здесь располагалась Ателькуза или, по крайней мере, западная окраина Ателькузы — место пребывания венгров накануне их решающего перехода на новую родину. Видимо, их непосредственное пребывание в регионе оказало существенное влияние на взаимоотношения местного населения, в том числе поднестровских племен уличей и тиверцев, с могущественными соседями — Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Именно венгерский фактор сыграл решающую роль в том, что поднестровские племена — уличи и тиверцы оказались подчиненными Киевской Руси не ранее середины 30-х гг. X в., хотя попытки овладеть их территорией со стороны Киева предпринимались еще в 885 г. (подробно см. Рябцева, Рабинович 2007).

Венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси, что способствова-

ло изоляции местных древностей от скандинавского влияния. Венгры повлияли на складывание престижной дружинной субкультуры в Карпато-Днестровском регионе и могли сыграть роль политически господствующего этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество (Рябцева, Рабинович 2007; 2014).

Важное значение для идентификации древних венгров в Пруто-Днестровье имеет исследование раннесредневекового могильника Слободзея на левом берегу Днестра (Ищеракова, Тащи, Тельнов 2008; Тельнов 2017). А.В. Комар относит этот могильник к памятникам субботцевского типа и, таким образом, относит к древностям древних венгров на северопричерноморском этапе обретения ими родины (Комар 2011: 56 и сл.). Такого же мнения о Слободзейском могильнике придерживается и Аттила Тюрк (см., например, его статью в настоящем сборнике: Тюрк 2018).

В Карпато-Днестровском регионе были найдены специфичные для венгров предметы вооружения, убранства коня и всадника, декорировки традиционного женского костюма (Рябцева, Рабинович 2007; 2014; Чера 2013). Находки хотя и не многочисленны, но выразительны. Заслуживает внимания то, что они встречаются на всех типах памятников — сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимавцы, Орхей, Тарасово) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладках (Рэдукэнень), и на разных в культурном отношении памятниках. Это и группа кольцевых городищ типа Екимавцы-Алчедар, и памятники центральной зоны Молдовы — культурная группа Ханска-Рэдукэнень. Именно с этой последней группой можно связать непосредственное проживание древних венгров (см. Рябцева, Рабинович 2007; 2014; Зверев, Ткачук 2012).

Этот факт говорит о неслучайности тех или иных венгерских находок и предполагает постановку вопроса как о непосредственном пребывании венгров в регионе, так и о степени их влияния.

Так же, как и в случае с аварами, появление венгров в Среднем Подунавье опосредованно сказалось в соседних регионах. Разгромив в конце IX — начале X в. Великоморавскую державу и распространяя свое влияние, венгры вызвали новый отток западнославянского населения на юг и восток (Раткош 1985: 86—87). В то время как в X в. в Южной Трансильвании значительно расширяется ареал балкано-дунайской культуры, в се-

верную часть Трансильвании происходит наплыв западнославянского населения — носителей древностей типа Старе Место (могильник Чумбруд) (Dancanits, Ferencz 1959: 605—615; Федоров, Полевой 1973: 322). Западнославянское влияние и даже непосредственное присутствие западнославянского населения на основании анализа керамики, оружия и снаряжения коня и всадника, украшений ощущается в Восточной Европе в конце IX — середине X вв. вплоть до Гнездова (Каменеца 1977: 19—20; Малевская 1972: 14—20; Малевская-Малевич 2005; Пушкина 1987: 54—56; Перхавко 1986: 28—35; Рабинович, Рябцева 1997: 240; Енисова 2017).

В X—XI вв. культура Пруто-Днестровья потеряла тот свой относительно однородный облик, который наблюдался в VIII — первой половине IX вв. (Тельнов 1990). Видимо, уже в период поздней фазы типа лука-райковецкой (по Н.П. Тельнову), благодаря действию в регионе разнонаправленных, но конструктивных культурных влияний Центральноевропейского, Балкано-Дунайского, Степного миров и мира Лес-Лесостепь создались условия для подобной разнородности.

Если говорить о периоде X — сер. XI вв., то мы видим существование на относительно небольшой территории не менее четырех культурных массивов.

На юге — древности балкано-дунайской культуры — окраина, периферия Первого Болгарского царства. Носители их — болгары, южнославянское население.

В северной и центральной части Молдовы до середины X века существуют памятники лука-райковецкой культуры, которые, благодаря интеграции с другими культурными элементами, участвуют в формировании трех новых образований — древнерусской культуры и памятников типа Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень. Лука-райковецкая и древнерусская культуры представлены восточнославянским населением, которое можно, по нашему мнению, отождествить с уличами письменных источников (русские летописи, Баварский Аноним, Константин Багрянородный) (Рабинович 2001—2002; 2007; и др.). Серьезным фактором, повлиявшим на формирование древнерусской культуры, стало вхождение Поднестровья с 30-х годов X века в состав Киевской Руси — вновь влияние мира Лес-Лесостепь (Рабинович 2007а).

Фактически чересполосно с лука-райковецкими и происходящими от них древнерусскими памятниками на северо-востоке региона располагаются появившиеся не позднее

конца IX в.³ древности типа кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар.

Эта культура, безусловно, пришедшая, характеризуется резкими отличиями от местных древностей всеми основными элементами, такими как: фортификация, погребальная обрядность, тип жилищ, типы оружия, которое очень многочисленно, более разнообразная и совсем типологически, морфологически и технологически другая керамика, богатый инвентарь, включая самостоятельное производство ювелирных изделий из серебра, наличие монет. Памятники Екимауцы-Алчедар близки великоморавской культуре и культуре Биело-Брдо, они, безусловно, оставлены мигрантами — западославянским населением (Рябцева, Рабинович 2009; Рабинович, Рябцева 2016, там же литература). Это население можно с определенной осторожностью отождествить с тиверцами письменных источников (Повесть временных лет, Баварский Аноним) (Рабинович 2011). В конце X — XI веках памятники Екимауцы-Алчедар теряют свою специфичность и вместе с лука-райковецкой культурой начинают формировать ядро древнерусской культуры региона.

В центральной зоне Молдовы в это же время существуют специфичные культурные группы типа Петруха и Ханска (Рабинович 1990; Тентюк 1990; Tentiuc 1996). По данным археологии, в частности, могильников, среди населения, оставившего их, помимо местных восточных славян, можно выделить тюрко-болгар и с определенной осторожностью венгров. Процесс симбиоза протекал очень быстро, и это видно даже по данным антропологии (Великанова 1978).

Органично вписались во все культурные группы региона венгры, которые определяли воинскую престижную субкультуру Карпато-Поднестровья до вхождения региона в состав Киевской Руси.

Итак, мы полагаем, что в X—XI веках в Карпато-Поднестровье протекали весьма активные интеграционные процессы, в которых участвовало население, оставившее все группы памятников. На относительно небольшой территории мы видим полиэтническое население, представленное всеми тремя ветвями славянства, различными группами тюркского, иранского и венгерского

населения. Во второй половине X — XI вв. применительно к Карпато-Поднестровью мы можем говорить о нем не только как о периферии соседних миров, но и как о формирующемся самобытном оригинальном культурном мире. Карпато-Поднестровье, занимая периферийное положение по отношению к соседним «очагам» культурных влияний и находясь в зоне их непосредственного воздействия, само в X—XI вв. оказалось в роли своеобразного очага культурогенеза. Последовательное наложение культурных влияний (иногда в виде непосредственного переселения в регион их носителей), стабилизирующая конструктивная роль «степного коридора» в этот период, мирное вживание вновь прибывших в культурную систему, с одной стороны, и открытость, способность ее к восприятию инноваций, с другой, определили ситуацию, когда в регионе с географически и культурно-исторически детерминированными границами стала складываться новая культурная общность.

В этой складывающейся новой культурной общности ее определенная разнородность, вызванная удаленностью участвующих в ее созидании культурных импульсов, давала ту самую меру необходимого разнообразия, которая и могла создать в регионе яркую самобытную культуру с большим запасом прочности. Учитывая историческую ситуацию, эта региональная культура, в случае ее последующего, протяженного по времени и успешного формирования стала бы неким локальным вариантом культуры Древней Руси, обладающим своей специфичностью, подобно тому, как своей специфичностью обладали и другие регионы Руси.

Поэтому, возвращаясь к мнению Николая Петровича Тельнова и вопреки этому мнению, мы не считаем древнерусскую культуру Пруто-Днестровского междуречья однородной, гомогенной, развивающейся исключительно из местных древностей лука-райковецкой культуры. Разнородная уже по составу участников ее генезиса, древнерусская культура Поднестровья находилась в состоянии интеграции с такими культурными группами, как Петруха-Лукашевка, Ханска-Рэдукэнень и, с большей вероятностью, с балкано-дунайской культурой.

Однако возникший формирующийся очаг культурогенеза не успел себя реализовать. Созидательный процесс, начиная с начала XI вв., а во второй половине XI в. уже постоянно, стал нарушаться заработавшим дестабильно «степ-

³ Датировку Т. В. Равдиной городищ Алчедар и Екимауцы несколькими десятилетиями X века (Равдина 1988) считаем необоснованной (аргументация: Рабинович 1999).

ным коридором», выталкивающим кочевнические волны (печенеги, позднее торки и половцы). Со второй половины XI в. один за другим

погибают или оставляются населением местные экономические центры. Начинается новый этап в истории Карпато-Поднестровья.

Литература

- Агафий Миринейский. 1996. *О царствовании Юстиниана*. Пер. М. В. Левченко. Москва: Арктос.
- Артамонов М. И. 2001. *История хазар*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Лань.
- Бубенок О. Б. 1997. *Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.)*. Киев: Логос.
- Великанова М. С. 1978. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I—II тысячелетиях. В: Мохов Н. А. (отв. ред.). *Славяно-волошские связи*. Кишинев: Штиинца, 30—76.
- Вернадский Г. В. 2004. *История России*. Т. 1. *Древняя Русь*. Москва; Тверь: Леан.
- Гавритухин И. О. 1996. Датировка начальных фаз культуры Луки-Райковецкой. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМЗ. Москва: ИА РАН, 136—139.
- Гавритухин И. О. 2009. Понятие пражской культуры. В: Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 7—25.
- Гавритухин И. О. 2015. Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера. *Stratum plus* (5), 17—26.
- Гавритухин И. О., Казанский М. М. 2018. О времени появления славян на территории Молдовы. В: Сениченкова Т. Б., Рабинович Р. А. (ред.). *Древности. Исследования и проблемы*. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 331—352.
- ДКМ 1974: Зеленчук В. С. (отв. ред.). 1974. *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Древняя... 1991: Гранчак И. М., Червеняк В. (отв. ред.). 1991. *Древняя история Верхнего Потисья*. Львов: Свит.
- Енисосова Н. В. 2017. Технология производства ювелиров Гнездова в X — начале XI вв. по данным трасологии и металлографии. *Stratum plus* (5), 205—236.
- Зверев Е. Ю., Ткачук К. Т. 2012. К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруто-Днестровском междуречье. *Stratum plus* (5), 125—148.
- Каменецкая Е. В. 1977. *Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Козлов В. И. 2015. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э.: балкано-дунайская культура*. Кишинев: Stratum Plus.
- Комар А. В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: Куковальская Н. М. (отв. ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, 169—200.
- Комар А. В. 2007. Что такое Пастырская культура? *Проблемы на прабългарската история и култура* 4 (1). София, 35—52.
- Комар А. В. 2011. Древние мадьяры и Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяры в Среднему Подніпров'ї*. АДУ 7. Київ, 21—78.
- Комар А. В. 2013. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: Боталов С. Г., Иванова Н. О. (отв. ред.). *II-й Международный Мадьярский симпозиум*. Сборник научных трудов. Челябинск: Рифей, 182—230.
- Королькова Л. В. 1994. Вопросы интерпретации ножей с волотообразным навершием. *Тверской археологический сборник*. Тверь: ТГОМ, 234—238.
- Макря М. 1958. Славянский могильник в Сомешень. *Dacia NS II*, 351—370.
- Малевская М. В. 1972. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). *КСИА* 129, 14—20.
- Малевская-Малевич М. В. 2005. *Керамика западно-русских городов X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Мачинский Д. А. 1981. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). В: Корольков В. Д. (отв. ред.). *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. Москва: Наука, 31—52.
- Минасян Р. С. 1978. Железные ножи с волотообразным навершием. *Проблемы археологии* 2. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Ленинград: ЛГУ, 148—152.
- Мысько Ю. В., Пивоваров С. В. 2010. Находки ножей с волотообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье. *Stratum plus* (5), 309—315.
- Перхавко В. Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Немана. *СА* (4), 40—55.
- Перхавко В. Б. 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днестра и Немана. *КСИА* 187, 28—35.
- Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура. Балкано-дунайская культура. В: Плетнева С. А. (ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—77.
- Приходнюк О. М. 1980. *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.* Київ: Наукова думка.
- Приходнюк О. М. 1998. *Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования*. Воронеж: ВГУ.
- Приходнюк О. М. 2005. *Пастырське городище*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.
- Пушкина Т. А. 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса. В: *Труды V Международного Конгресса славянской археологии III* (16). Москва: Наука, 50—57.
- Рабинович Р. А. 1990. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевца. В: Дергачев В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 51—57.
- Рабинович Р. А. 1991. Гончарный горн на поселении

- Х—XII вв. у с. Рудь. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы*. Кишинев: Штиинца, 99—109.
- Рабинович Р. А. 1997. *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Рабинович Р. А. 1999. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. *Stratum plus* (6), 263—275.
- Рабинович Р. А. 2001—2002. От ултинзуров к улицам, или предыстория одного летописного племени. *Stratum plus* (5), 282—299.
- Рабинович Р. А. 2005. Ножи с волнообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст. *RA SN I* (2), 351—359.
- Рабинович Р. А. 2007. Проблема локализации летописных уличей по данным письменных источников различных традиций. *Revista de etnologie și culturologie* II. Chișinău, 46—51.
- Рабинович Р. А. 2007а. Карпато-Днестровские земли и Киевская Русь: особенности взаимодействия. *Русин* 8 (2), 26—36.
- Рабинович Р. А. 2011. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. *Stratum plus* (5), 89—106.
- Рабинович Р. А., Гукин В. Д. 1991. Результаты раскопок на поселении Бранешты XIII и некоторые спорные вопросы изучения памятников типа Петруха-Лукашевка. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э.)*. Кишинев: Штиинца, 205—224.
- Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). «*Stratum*» + *Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 236—245.
- Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2009. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 292—308.
- Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2016. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимавцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе. В: Chudzińska B., Wojenka M., Wołoszyn M. (red.). *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachórz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary*. Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323—341.
- Рабинович Р. А., Ткачук М. Е. 1995. Исследования на поселении древнерусской культуры у с. Рудь в Молдове. *AB* 4, 165—170.
- Равдина Т. В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 54—71.
- Раткош П. 1985. Великая Моравия — территория и общество. В: Санчук Г. Э., Понулик Й. (отв. ред.). *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение*. Москва: Наука, 81—95.
- Рафалович И. А. 1972. *Славяне VI—IX веков в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. 1971. *Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв.)*. Кишинев: Штиинца.
- Руссес Н. Д. 2002. Славяне, болгары и Болгарское государство. В: Тельнов Н. П., Степанов В. П., Руссес Н. Д., Рабинович Р. А. 2002. «И ... разошлись славяне по земле». *Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: ВАШ, 67—131.
- Руссес Н. Д. 2015. Феномен балкано-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии. В: Козлов В. И. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н.э.: балкано-дунайская культура*. Кишинев: Stratum Plus, 278—295.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *RA SN III* (1—2), 195—230.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Русский Север, 259—275.
- Седов В. В. 1999. *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки славянской культуры.
- Сентпетери Й. 1989. О позднеаварских и раннеболгарских связях. В: *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 117—123.
- Сьоке Б. 1989. О северной границе Первого Болгарского государства в IX веке. В: *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 105—116.
- Тельнов Н. П. 1990. *Востоочнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Тельнов Н. П. 2001—2002. Востоочнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. *Stratum plus* (5) 142—263.
- Тельнов Н. П. 2017. К вопросу об этнокультурной ситуации в IX веке в Нижнем Поднестровье. *Добруджа* 32, 503—513.
- Тельнов Н. П., Степанов В. П., Руссес Н. Д., Рабинович Р. А. 2002. «И ... разошлись славяне по земле». *Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: ВАШ.
- Тентюк И. С. 1990. Некоторые аспекты исследования культуры Рэдукэнень на территории ССР Молдова. В: Демченко Н. А. (отв. ред.). *Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы*. Материалы республиканской конференции. Кишинев: Штиинца, 66—78.
- Тюрк А. 2018. Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы. В: Синика В. С., Рабинович Р. А. (ред.). *Древности. Исследования и проблемы*. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 421—431.
- Федоров Г. Б. 1960. *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э.* МИА 89. Москва: АН СССР.

- Федоров Г.Б., Негруша В.М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. В: Марков Д.Ф. (отв. ред.). *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований*. Москва: Наука, 48—56.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. *Археология Румынии*. Москва: Наука.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. *Памятники древних славян (VI—XIII вв.)*. Археологическая карта Молдавской ССР 6. Кишинев: Штиинца.
- Фодор И. 2015. *Венгры: древняя история и обретение родины*. Пермь: Зѣбра.
- Хеннинг Й. 1989. Восточное по происхождению оружие и снаряжение всадников вкладах сельскохозяйственных железных изделий в Юго-Восточной Европе (VIII—X вв.). В: *Проблемы на прабългарската история и култура*. София, 87—104.
- Хохлов В.А. 2000. Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхоя (Требужен). *AB* 7, 200—205.
- Хынку И.Г., Рафалович И.А. 1973. Славяне и тюрко-болгары в VI—X вв. на территории Молдавии по археологическим данным. В: *Славяните и средиземноморският свят VI—XI век*. София, 161—182.
- Чеботаренко Г.Ф. 1973. *Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре*. Кишинев: Штиинца.
- Чеботаренко Г.Ф. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья. В: Королук В.Д. (отв. ред.). *Этническая история восточных романцев*. Москва: Наука, 86—105.
- Чеботаренко Г.Ф. 1982. *Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X—XII вв.* Кишинев: Штиинца.
- Чеботаренко Г.Ф. 1983. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии. В: Зеленчук В.С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 58—79.
- Чера С.В. 2013. К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екимавцы. *Stratum plus* (5), 197—202.
- Щеглова О.А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье. В: *Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья*. Курск: ИА РАН; КГОМА, 162—204.
- Щеглова О.А. 1991. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII вв.: причины смены культур. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. Материалы методологического семинара. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР, 42—50.
- Щеглова О.А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы международной конференции. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 39—65.
- Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. 2008. *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья*. Кишинев: Elan Poligraf.
- Шукин М.Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Юрасов М.К. 2007. Влияние поисков венграми новой родины на освоение восточными славянами междуречья Днестра и Прута. *Русин* 8 (2), 20—25.
- Chişvasi-Comşa M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR şi pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice. *SCIV* IX (1), 73—89.
- Comşa M. 1961. Săpăturile de la Nuşfalău (reg. Oradea). *Materiale şi cercetări arheologice* VII, 519—529.
- Comşa M. 1978. *Cultura materială veche românească (aşezările de la Bucov-Ploieşti)*. Bucureşti: Editura Academiei Române.
- Comşa M. 1979. Ceramică alanică din secolul al VIII-lea descoperită în centrul Dobrogei. *Pontica* 12, 151—156.
- Corman I. 1998. *Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistriean în epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chişinău: Cartdidact.
- Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. 1995. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.
- Dankanits A., Ferencz I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbud. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 605—615.
- Dolinescu-Ferche Sz. 1984. La culture «Ipotesti-Cândeşti». La situation en Valachie. *Dacia* NS 28, 117—147.
- Horedt K. 1958. *Contribuţii la istoria Transilvaniei în secolele VI—XIII*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Macrea M. 1959. Necropola slavă de la Someşeni. *Materiale şi cercetări arheologice* V, 519—527.
- Macrea M. 1959a. Şantierul arheologic Someşeni-Cluj. *Materiale şi cercetări arheologice* VI, 515—522.
- Mitrea I. 1984. Unele consideraţii privind originea, cronologia şi semnificaţia etno-culturală a cuştelor cu volute descoperite pe teritoriul României. *Carpica* XVI. Bacău, 85—93.
- Postică Gh. 1994. *Românii din Codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii din aşezarea Hansca)*. Chişinău: Universitas.
- Postică Gh. 2007. Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistean (secolele V—XIII). Bucureşti: Editura Academiei Române.
- Postică Gh., Tentiuc I. 2014. Amulette-călăreşti din bronz din perioada medievală timpurie în spaţiul Carpato-Nistean. *Țyragetia* SN VIII [XXIII] (1), 45—72.
- Rabinovici R. 2016. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX—XII centuries AD. In: *Arheologia mileniului I. Chr. Vol. V. Identităţi şi schimburi culturale în mileniul I. Chr.* Brăila: Istros, 247—265.
- Spinei V. 1999. *Marile migraţii din Estul şi Sud-Estul Europei în secolele IX—XIII*. Iaşi: Institutul European.
- Tentiuc I. 1996. *Populaţia din Moldova centrală în secolele XI—XIII*. Iaşi: Helios.
- Teodorescu V. 1964. Despre cultura Ipotesti-Cîndeşti în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploiesti). *SCIV* 4, 485—504.
- Toropu O. 1976. *Romanitatea târzie şi străromânii în Dacia Traiană sud-carpatică (secolele III—XI)*. Craiova.
- Zaharia E. 1967. Săpăturile de la Dridu. *Contribuţie la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

References

- Agathias Scholasticus. 1996. *O tsarstvovanii Iustiniana (On the Reign of Justinian)*. Moscow: "Arktos" Publ. (in Russian).
- Artamonov, M. I. 2001. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. 2nd ed. Saint Petersburg: "Lan" Publ. (in Russian).
- Bubenok, O. B. 1997. *Iasy i brodniki v stepiakh Vostochnoi Evropy (VI — nachalo XIII vv.) (Jasz People and Brodniks in the Steppes of Eastern Europe, 6th — Early 13th Centuries)*. Kiev: "Logos" Publ. (in Russian).
- Velikanova, M. S. 1978. In Mokhov, N. A. (ed.). *Slaviano-voloshskie svyazi (Relations between Slavs and Vlachs)*. Kishinev: "Știința" Publ., 30—76 (in Russian).
- Vernadsky, G. V. 2004. *Istoriia Rossii (A History of Russia)* 1. *Drevniia Rus' (Kievan Russia)*. Moscow; Tver: "Lean" Publ. (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 1996. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and Its Cultural and Historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 136—139 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2009. In Korotkevich, B. S., Machinskii, D. A., Senichenkova, T. B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 7—25 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 17—26 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Kazanskii, M. M. 2018. In: Sinika, V. S., Rabinovici, R. A. (eds.). *Antiquities. Studies and issues*. Essays in honour of Nicolai Telnov on the occasion of his 70th birthday. Kishinev; Tiraspol: Stratum Plus, 331—352 (in Russian).
- Zelenchuk, V. S. (ed.). 1974. *Drevniia kul'tura Moldavii (Ancient Culture of Moldavia)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Granchak, I. M., Cherveniak, V. (eds.). 1991. *Drevniia istoriia Verkhnego Potis'ia (Ancient History of the Upper Tisza Basin)*. Lvov: "Svit" Publ. (in Russian).
- Eniosova, N. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 205—236 (in Russian).
- Zverev, E. Yu., Tkachuk, K. T. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 125—148 (in Russian).
- Kamenetskaia, E. V. 1977. *Keramika IX—XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ia (Pottery of 9th—13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Part of the Dnieper Basin)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Kozlov, V. I. 2015. *Naselenie stepnogo mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n.e.: balkano-dunaiskaia kul'tura (Population of the Danube-Dniester Steppes in Late 8th — Early 11th Centuries: Balkan-Danube Culture)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Saint Petersburg; Kishinev: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ.; Stratum plus P.P. (in Russian).
- Komar, A. V. 2004. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)*. Kiev; Sudak: Akadempriodika, 169—200 (in Russian).
- Komar, A. V. 2007. In *Problemi na prabălgarskata istoriia i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (1). Sofia, 35—52 (in Russian).
- Komar, A. V. 2011. In *Madiari v Sredn'omu Podniprovi'i (Hungarians in the Northern Black Sea Area)*. Series: Arkheologhiya i davnaya istoriia Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 7. Kiev, 21—78 (in Russian).
- Komar, A. V. 2013. In Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (ed.). *II Mezhdunarodnyi Mad'iariskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 182—230 (in Russian).
- Korol'kova, L. V. 1994. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)*. Tver: Tver State United Museum, 234—238 (in Russian).
- Macrea, M. 1958. In *Dacia NS II* (in Russian).
- Malevskaia, M. V. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 129, 14—20 (in Russian).
- Malevskaia-Malevich, M. V. 2005. *Keramika zapadnorusskikh gorodov X—XIII vv. (Pottery of Western Russian Towns in 10th—13th Centuries)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1981. In Korolyuk, V. D. (ed.). *Formirovanie rannefeodal'nykh slavianskikh narodnostei (Formation of Early Feudal Slavic Nations)*. Moscow: "Nauka" Publ., 31—52 (in Russian).
- Minasian, R. S. 1978. In *Problemy arkheologii (Issues of Archaeology)* 2. *Sbornik statei v pamiat' professora M. I. Artamonova (In memoriam Professor M. Artamonov)*. Leningrad: Leningrad State University, 148—152 (in Russian).
- Mys'ko, Yu. V., Pivovarov, S. V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 309—315 (in Russian).
- Perkhavko, V. B. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 40—55 (in Russian).
- Perkhavko, V. B. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 187, 28—35 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62—77 (in Russian).
- Prykhodnyuk, O. M. 1980. *Arkheologicheskie pam'yatky Seredn'oho Prydniprov'ia VI—IX st. n. e. (Archaeological Sites of the Middle Dnieper Basin of 6th—9th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Prikhodniuk, O. M. 1998. *Pen'kovskaia kul'tura. Kul'turno-khronologicheskii aspekt issledovaniia (Penkovka Culture. Cultural and Chronological Aspect of Research)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Prykhodnyuk, O. M. 2005. *Pastyrs'ke horodyshche (Pastyrskoe Hillfort)*. Kiev; Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Pushkina, T. A. 1987. In *Trudy V Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology)* III (1 b). Moscow: "Nauka" Publ., 50—57 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 1990. In Dergachev, V. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological Studies Done by the Young Scholars of Moldavia)*. Kishinev: "Știința" Publ., 51—57 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 1991. In Chetaru, N. A. (ed.). *Khoziaistvennye komplekсы drevnikh obshchestv Moldovy (Economic Complexes of the Ancient Societies of Moldova)*. Kishinev: "Știința" Publ., 99—109 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 1997. *Karpato-Dnestrovskie zemli vo vtoroi polovine IX — pervoi polovine XIII vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (The Territory between Carpathians and Dniester in Second Half of 9th — First Half of 13th Centuries: Historical and Archaeological Study)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 263—275 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 282—299 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 2005. In *Revista arheologică SN I* (2), 351—359 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 2007. In *Revista de etnologie și culturologie II*. Chișinău, 46—51.
- Rabinovici, R. A. 2007. In *Rusin (Rusin)* 8 (2), 26—36 (in Russian).
- Rabinovici, R. A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 89—106 (in Russian).
- Rabinovici, R. A., Gukin, V. D. 1991. In Bârnea, P. P. (ed.). *Drevnosti Iugo-zapada SSSR (I — srediina II tysiacheletia n.e.) (Antiquities of South-West of the USSR: I—Mid-II Millennium AD)*. Kishinev: "Știința" Publ., 205—224 (in Russian).
- Rabinovici, R. A., Ryabtseva, S. S. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu. A. (eds.). *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological*

- Bulletin). Saint Petersburg; Kishinev, 236—245 (in Russian).
- Rabinovici, R.A., Ryabtseva, S.S. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 292—308 (in Russian).
- Rabinovici, R.A., Ryabtseva, S.S. 2016. In Chudzińska, B., Wojenka, M., Wołoszyn, M. (red.). *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachórze to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary*. Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323—341 (in Russian).
- Rabinovici, R.A., Tkachuk, M.E. 1995. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 4, 165—170 (in Russian).
- Ravdina, T.V. 1988. In Bănea, P.P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluvium)*. Kishinev: “Știința” Publ., 54—71 (in Russian).
- Ratkoľ, P. 1985. In Sanchuk, G.E., Poulik, J. (eds.). *Velikaia Moravia ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie (Great Moravia, its Historical and Cultural Role)*. Moscow: “Nauka” Publ., 81—95 (in Russian).
- Rafalovich, I.A. 1972. *Slaviane VI—IX vekov v Moldavii (The Slavs in 6th—9th Centuries in Moldavia)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Rikman, E.A., Rafalovich, I.A., Hâncu, I.G. 1971. *Ocherki istorii kul'tury Moldavii (II—XIV vv.) (Essays of the History of Culture of Moldavia in 2nd—14th Centuries)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Russev, N.D. 2002. In Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D., Rabinovici, R.A. 2002. «I... razoshlis' slaviane po zemle» (“And... the Slavs Spread across the Earth”). Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Russev, N.D. 2015. In Kozlov, V.I. 2015. *Naselenie stepnogo mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n.e.: balkano-dunaiskaia kul'tura (Population of the Danube-Dniester Steppes in Late 8th — Early 11th Centuries: Balkan-Danube Culture)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Saint Petersburg; Kishinev: “Kazanskaia nedvizhimost'” Publ.; Stratum plus P.P., 278—295 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovici, R.A. 2007. In *Revista arheologică SN III* (1—2), 195—230 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S., Rabinovici, R.A. 2014. In Makarov, N.A., Leontiev, A.E. (eds.). *Rus' v IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura (Rus' in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture)*. Moscow; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 259—275 (in Russian).
- Sedov, V.V. 1999. *Drevnerusskaia narodnost'. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Old Russian Folk: Historical-Archaeological Study)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Szentpetery, J. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 117—123 (in Russian).
- Szöke, B. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 105—116 (in Russian).
- Telnov, N.P. 1990. *Vostochnoslavianskie drevnosti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia VIII—X vv. (Eastern Slavic Antiquities in the Dniester-Prut Interfluvium, 8th — 10th Centuries)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Telnov, N.P. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5) 142—263 (in Russian).
- Telnov, N.P. 2017. In *Dobrudzha (Dobruja)*, 32, 503—513 (in Russian).
- Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D., Rabinovici, R.A. 2002. «I... razoshlis' slaviane po zemle» (“And... the Slavs Spread across the Earth”). Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Tentiuk, I.S. 1990. In Demchenko, N.A. (ed.). *Arkheologiya, etnografiia i iskusstvovedenie Moldovy: itogi i perspektivy (Archaeology, Ethnography and Art Studies in Moldova: Results and Perspectives)*. Kishinev: “Știința” Publ., 66—78 (in Russian).
- Türk, A. 2018. In Sinika, V.S., Rabinovici, R.A. (eds.). *Antiquities. Studies and issues. Essays in honour of Nicolai Telnov on the occasion of his 70th birthday*. Kishinev; Tiraspol: Stratum Plus, 421—431 (in Russian).
- Fedorov, G.B. 1960. *Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia v I tysiacheletii n.e. (People of the Prut-Dniester Interfluvium in the I Millennium BC)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 89. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Fedorov, G.B., Negrusha, V.M. 1979. In Markov, D.F. (ed.). *Kompleksnye problemy istorii i kul'tury narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Itogi i perspektivy issledovaniia (Complex Issues of History and Culture of the Peoples in Central and South-Eastern Europe. Conclusions and Perspectives for Research)*. Moscow: “Nauka” Publ., 48—56 (in Russian).
- Fedorov, G.B., Polevoy, L.L. 1973. *Arkheologiya Rumynii (Archaeology of Romania)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Fedorov, G.B., Chebotarenko, G.F. 1974. *Pamiatniki drevnikh slavian (VI—XIII vv.) (Sites of Eastern Slavs (6th — 13th Centuries))*. Series: Archaeological Map of Moldavia 6. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Fodor, I. 2015. *Vengry: drevniia istoriia i obretenie rodiny (Hungarians: Ancient History and the Hungarian Land-Taking)*. Perm: “Zebra” Publ. (in Russian).
- Henning, J. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 87—104 (in Russian).
- Khokhlov, V.A. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 7, 200—205 (in Russian).
- Hâncu, I.G., Rafalovich, I.A. 1973. In *Slavyanite i sredizemnomorskiiat svyat VI—XI vek (Slavs and the Mediterranean World in 6th — 9th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 161—182 (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. 1973. *Kalfa — gorodishche VIII—X vv. na Dnestre (Calfa, the Fortified Settlement of 8th — 10th Centuries on the Dniester)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. 1979. In Koroliuk, V.D. (ed.). *Etnicheskaia istoriia vostochnykh romantsev (drevnost' i srednie veka) (Ethnic History of Eastern Romans (Antiquity and Middle Ages))*. Moscow: “Nauka” Publ., 86—105 (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. 1982. *Naselenie tsentral'noi chasti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v X—XII vv. (Population of the Central Part of the Dniester-Prut Interfluvium in the 10th — 12th Centuries)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. 1983. In Zelenchuk, V.S. (ed.). *Slaviano-moldavskie svyazi i rannie etapy etnicheskoi istorii moldavan (Slavic-Moldovan Relations and Early Stages of Ethnic History of Moldovans)*. Kishinev: “Știința” Publ., 58—79 (in Russian).
- Chera, S.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 197—202 (in Russian).
- Shcheglova, O.A. 1990. In Terpilovskii, R.V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ia (Proceedings and Studies on the Archaeology of the Dnieper Left-Bank Area)*. Kursk: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kursk State Regional Museum of Archaeology, 162—204 (in Russian).
- Shcheglova, O.A. 1991. In Masson, V.M. (ed.). *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and Cultural Genesis in Historical Aspect)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR, 42—50 (in Russian).
- Shcheglova, O.A. 2009. In Korotkevich, B.S., Machinskii, D.A., Senichenkova, T.B. (ed. board). *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Staro-*

- go Sveta (*Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World*). Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 39—65 (in Russian).
- Shcherbakova, T.A., Tashchi, E.F., Telnov, N.P. 2008. *Kochevnicheskie drevnosti Nizhnego Podnestrov'ia (Po materialam raskopok kurgana u g. Slobodzeia) (Nomadic Antiquities of the Lower Dniester Region (by archaeological findings from the Barrow at Slobozeia Town))*. Kishinev: "Elan Poligraf SRL" Publ. (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Eras. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).
- Iurasov, M.K. 2007. In *Rusin (Rusin)* 8 (2), 20—25 (in Russian).
- Chișvasi-Comșa, M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR și pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice. *SCIV IX* (1), 73—89.
- Comșa, M. 1961. Săpăturile de la Nușfalău (reg. Oradea). *Materiale și cercetări arheologice VII*, 519—529.
- Comșa, M. 1978. *Cultura materială veche românească (așezările de la Bucov-Ploiești)*. București: Editura Academiei Române.
- Comșa, M. 1979. Ceramică alanică din secolul al VIII-lea descoperită în centrul Dobrogei. *Pontica* 12, 151—156.
- Corman, I. 1998. *Contribuții la istoria spațiului pruto-nistran în epoca Evului Mediu timpuriu (sec. V—VII d. Chr.)*. Chișinău: Cartdidact.
- Gukin, V., Manzura, I., Rabinovich, R., Tkaciuk, M. 1995. Non-archaeological theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.
- Dankanits, A., Ferencz, I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbud. *Materiale și cercetări arheologice VI*, 605—615.
- Dolinescu-Ferche, Sz. 1984. La culture «Ipotești-Cândești». La situation en Valachie. *Dacia NS* 28, 117—147.
- Horedt, K. 1958. *Contribuții la istoria Transilvaniei în secolele VI—XIII*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Macrea, M. 1959. Necropola slavă de la Someșeni. *Materiale și cercetări arheologice V*, 519—527.
- Macrea, M. 1959. Șantierul arheologic Someșeni-Cluj. *Materiale și cercetări arheologice VI*, 515—522.
- Mitrea, I. 1984. Unele considerații privind originea, cronologia și semnificația etno-culturală a cuțitelor cu volute descoperite pe teritoriul României. *Carpica XVI*. Bacău, 85—93.
- Postică, Gh. 1994. *Românii din Codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii din așezarea Hansca)*. Chișinău: Universitas.
- Postică, Gh. 2007. Civilizația medievală timpurie din spațiul pruto-nistran (secolele V—XIII). București: Editura Academiei Române.
- Postică, Gh., Tentiuc, I. 2014. Amulete-călăreți din bronz din perioada medievală timpurie în spațiul Carpato-Nistran. *Tyragetia SN VIII [XXIII]* (1), 45—72.
- Rabinovici, R. 2016. The funerary monuments and the issue of ethno-cultural diversity in Prut-Dniester region during the IX—XII centuries AD. In *Arheologia mileniului I. Chr. Vol. V. Identități și schimburi culturale în mileniul I. Chr.* Brăila: Istros, 247—265.
- Spinei, V. 1999. *Marile migrații din Estul și Sud-Estul Europei în secolele IX—XIII*. Iași: Institutul European.
- Tentiuc, I. 1996. *Populația din Moldova centrală în secolele XI—XIII*. Iași: Helios.
- Teodorescu, V. 1964. Despre cultura Ipotești-Cândești în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploiești). *SCIV* 4, 485—504.
- Toropu, O. 1976. *Romanitatea târzie și străromânii în Dacia Traiană sud-carpatică (secolele III—XI)*. Craiova.
- Zaharia, E. 1967. *Săpăturile de la Dridu. Contribuție la arheologia și istoria perioadei de formare a poporului român*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Статья поступила в сборник 19 декабря 2017 г.

Roman Rabinovici (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Рабинович Роман Аронович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: romanescu@mail.ru

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков; Санкт-Петербург.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ	— Азовский краеведческий музей. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академия наук Української РСР. Київ.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АПП	— Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа.
Бе-СА	— Българското е-писание за археология. София.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинев.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВГУ	— Витебский государственный университет. Витебск.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАНИИЯЛ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы. Горно-Алтайск.
ГИКМ	— Государственный историко-краеведческий музей. Кишинев.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИПЛ	— Государственное издательство политической литературы. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург.
ДАЗ	— Донецкий археологічний збірник. Донецьк.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонГТУ	— Донбасский государственный технический университет. Алчевск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕГУ	— Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии. Санкт-Петербург.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ІАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва.
ІАИ / І(Б)АИ	— Известия на (Българския) археологически институт. София.
ІАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ІАП	— Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
ІАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.

ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный институт. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ЛГПИ	— Липецкий государственный педагогический институт. Липецк.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НВГУ	— Нижневартовский государственный университет. Нижневартовск.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НМИДК	— Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск.
НМЦА ЮФУ	— Научно-методический центр археологии Южного федерального университета. Ростов-на-Дону.
НовГУ	— Новгородский государственный университет. Великий Новгород.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ НАНУ	— Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины. Одесса.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОНУ	— Одесский национальный университет. Одесса.
ПГУ	— Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАЕН	— Российская академия естественных наук. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГПУ	— Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону.
РСМ	— Раннеславянский мир. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИР	— Свод археологических источников России. Москва.
СамГУ	— Самарский государственный университет. Самара.
СГПИ	— Саратовский государственный педагогический институт. Саратов.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СОИМК	— Самарский объединённый историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СППІК	— Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ССПІК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СтавГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
ТГОМ	— Тверской государственный объединённый музей. Тверь.
ТГУ	— Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.

ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Ленинград.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФАЭ	— Фастовская археологическая экспедиция.
ФДКМ	— Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів.
ХГУ	— Харьковский государственный университет им. А.М. Горького. Харьков.
ХГУ	— Херсонский государственный университет. Херсон.
ХНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХОКМ	— Хмельницький обласний краєзнавчий музей. Хмельницький.
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
АЕ	— Archaeologiai Értesítő. Budapest.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AK	— Archäologische Korrespondenzblatt. Mainz.
AM	— Arheologia Moldovei. Iași.
AP	— Archeologia Polski. Warszawa.
AV ČR	— Akademie Věd České Republiky. Praha.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
CA	— Cercetări arheologice. București.
FA	— Folia Archaeologica. Budapest.
IPC AŞM	— Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Chişinău.
JAS	— Journal of Archaeological Science. New York.
MA	— Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ.
MCA	— Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA	— Revista arheologică. Chişinău.
SCIV(A)	— Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.
USM	— Universitatea de Stat din Moldova. Chişinău.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.